

Герасимова, И. Трагизм начала Великой Отечественной войны в стихотворении К.М. Симонова «Из дневника» [Текст] / И. Герасимова // Лит. в школе. – 2010. - № 10. – С. 19-20.

Аннотация. В ходе анализа стихотворения К.М.Симонова «Из дневника» (1941), рассматриваемого в контексте фронтовой лирики, выявляются художественные открытия поэта в жанровой сфере лирической поэзии первых дней и месяцев Великой Отечественной войны (дневниковая форма, документализм, кинематографичность фронтовой лирики); подчёркиваются патриотическая и гуманистическая доминанты произведения, свидетельствующие о гранях творческих поисков отечественной поэзии, её мобилизующей роли на пути народа к Великой Победе.

Ключевые слова: К.М.Симонов, дневниковая форма, документализм, кинематографичность.

В год Великой Победы невозможно не вспомнить имя Константина Михайловича Симонова — одного из её солдат-поэтов, перу которого принадлежат стихотворения, известные в суровые военные годы всей стране: «Жди меня», «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», «Убей его!»... Мы обратимся к стихотворению «Из дневника», которое поэт назвал самым первым «из всех, что сохранились со времён войны». «Стихи были написаны на Западном фронте в первые дни войны и именно об этих днях...» — пометил Симонов в своём «Дневнике писателя».

«Война, которую, в сущности... все ждали», пришла. Она перевернула все былые представления о себе, заставила по-новому посмотреть и оценить всё происходящее: рождалось новое видение мира, опутанного глобальными противоречиями и оказавшегося на грани уничтожения. Личные впечатления были настолько сильными, что автор счёл необходимым свои «неоконченные и совершенно забытые... стихи» не просто включить в собрания сочинений 1966 и 1979 годов, но и открыть ими цикл с одноимённым названием — «Из дневника».

Июнь. Интендантство.

Шинель с непривычки длинна.

Мать застыла в дверях. Что это значит?

Нет, она не заплачет. Что же делать - война!

-А во сколько твой поезд? -

И всё же заплачет.

Синий свет на платформах.

Белорусский вокзал.

Кто-то долго целует.

— Как ты сказал?

Милый, потише... -

*И мельканье подножек.
И ответа уже не услышать.
Из объятий, из слёз,
Из недоговорённых слов
Сразу в пекло, на землю.
В заиканье пулемётных стволов.
Только пыль на зубах.
И с убитого каска: бери!
И его же винтовка: бери!
И бомбёжка — весь день,
И всю ночь, до рассвета.
Неподвижные, круглые,
Жёлтые, как фонари,
Над твоей головою — ракеты...
Да, война не такая, какой мы писали её, -
Это горькая штука...*

1941

В этих стихах автор с дневниковой точностью запечатлевает и картину проводов на фронт, и светомаскировку вокзалов, и положение в войсках, далёкое от представления его официальной пропагандой: «И с убитого каска: бери! / И его же винтовка: бери!..» Эти горькие строки — беспристрастное свидетельство времени. Фронтовики наблюдали подобное воочию, многие были и участниками событий, и нередко впечатления потрясённого увиденным очевидца становились документальной основой стихов. Вот, например, две редакции стихотворения забытого сегодня автора:

*Мой товарищ, в предсмертной агонии
Не зови ты на помощь людей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*И не плачь ты от страха, как маленький,
Ты не ранен - ты только убит.
Я на память сниму с тебя валенки,
Мне ещё воевать предстоит.*

*Мой товарищ в предсмертной агонии.
Замерзаю. Тебе потеплей.
Дай-ка лучше согрею ладони я
Над дымящейся кровью твоей.*

*Что с тобой, что с тобою, мой маленький?
Ты не ранен - ты просто убит.*

*Дай-ка лучше сниму с тебя валенки.
Мне ещё воевать предстоит.*

Первая из приведённых редакций этого стихотворения известна по воспоминаниям Ольги Берггольц, которой стихи умиравшего солдата прочитал «врач одного из ленинградских госпиталей». По признанию поэтессы, они потрясли её «и... оказали даже влияние на... блокадную лирику». Ю. Боров также не называет имени автора, но повествует о его послевоенной жизни и цитирует вторую строфу с изменёнными первым и вторым стихами: «Но не надо же плакать, мой маленький, / Ты не ранен, а только убит...». Вторая из процитированных редакций стихотворения известна по анонимной публикации Е. Евтушенко, поместившего её в «огоньковский перестроечный вариант антологии "Строфы века"» под названием «Мой товарищ». В статье «У победы лицо настрадавшееся» Евтушенко называет автора — Иосиф Деген — и пишет о нём так: «Ушёл добровольцем на фронт. Успел спастись из пылающего танка. Награждён многими боевыми орденами и медалями. Окончил Черновицкий медицинский институт. Работал в Киеве врачом-ортопедом. Дружил с Виктором Некрасовым... Он пришёл ко мне в Тель-Авиве — вице-президент совета ветеранов, сутулый, но скульптурно широкоплечий, чуть прихрамывающий немногословный мужчина. "Огонёк" с собственной публикацией видел и не возражал против моего выбора именно этого варианта из всех, ходивших по рукам».

Вернёмся к стихотворению К.Симонова «Из дневника». Оно поистине трагедийно. Патриотический и гуманистический пафос ставит это произведение в один ряд с лучшими образцами лирики военных лет.

Одной из особенностей стихотворения «Из дневника» является «кинематографичность»: в нём ощутим эффект документальной съёмки, монтажа, смены планов. Документальный стиль этого стихотворения определяет особенности *дневникового жанра* фронтовой лирики поэта.

Время действия симоновского стихотворения вмещает в себя памятное мгновение того трагического «июня», когда «мать застыла в дверях», услышав известие о начале войны, и ночь на Белорусском вокзале перед отъездом на фронт, и первые кровопролитные бои, и бомбёжку — «весь день, / И всю ночь, до рассвета». Место действия — и Москва, и фронт.

Трагизм ситуации передаётся особым ощущением времени, как бы замедлившего ход (стихи 1—3) перед неизбежной (может быть, навсегда!..) разлукой с близкими (матерью, женой). Вместе с уходящими на фронт родными им предстоит перенести лишения и тяготы военного лихолетья: «Что же делать — война!» (4-й стих —

самый длинный.)

Далее события сменяют друг друга, как в калейдоскопе. Темп стихотворения всё убыстряется — строки становятся короче (5—11-й), а ритм — почти правильным. Известие о начале войны прерывается психологически точными словами женщины на перроне: «Милый, потише...» — расставание само по себе настолько «громкое» событие, что оглушает. Ускоряющийся ритм передаёт движение поезда («мельканье подножек»), уносящего лирического героя «сразу в пекло, на землю. / В заиканье пулемётных стволов». Анафорическое строение стихотворных строк (*и... и... и... и...*) убыстряет движение 12—14-го стихов, написанных двух- и трёхстопным дактилем, в котором слышится мерный стук колёс, прерванный воспоминанием о «недоговорённых словах» — ритмическим «сбоем», выраженным появлением пиррихия и клаузулы в 15-м стихе.

Не случайны в этом очень личном стихотворении образы *матери и любимой женщины*, которые здесь неотрывны от образа *Родины*.

Появление местоимения *мы* в этом взволнованном монологе «от первого лица» (что подчёркнуто его названием — «Из дневника») свидетельствует о том, что лирический герой объединяет себя с другими людьми, для которых, так же как и для него, началась Отечественная война и которые так же, как он, в первые её дни отправились на фронт защищать всё, что составляло для них смысл жизни. Местоимение *мы* выражает и принятие на себя ответственности за недооценённый масштаб военной угрозы: «Да, война не такая, какой мы писали её, — / Это горькая штука...» Так подчёркивается переосознание процессов, происходивших в обществе накануне войны.

Обратим внимание и на многоточие вместо точки в конце стихотворения. Весь свой пока ещё недолгий военный опыт (напомним, что Симонов в качестве корреспондента был командирован на театр боевых действий на реке Халхин-Гол в 1939 году) он сосредоточил в двух последних стихах, словно предвидя многие бедствия для страны и армии, которые предстоит пережить.

Таким образом, стихотворение «Из дневника» вместило в себя и «зарисовку с натуры», и то, «что Шекспир называет... "самый образ и давление времени"». Произведение выявляет интерес поэта к внутреннему миру человека, свидетельствует об умении автора создавать «психологический портрет» героев, передавать их душевное смятение и готовность всем миром противостоять врагу перед лицом грозных событий начала Великой Отечественной войны. Здесь лирический герой полностью соотносится с автором. Очень личные стихи точно передают атмосферу начала войны, воспринятой разными людьми как всеобщая беда, что подчёркивает одну из особенностей произведения Симонова — убеждённость в самоценности *каждого человека* и его *неразрывной связи со всем*

народом.

Кроме того, стихотворение Симонова, открывая цикл с одноимённым названием, определяет и художественные параметры жанра *фронтового дневника* как одного из наиболее значительных открытий в поэзии начального периода Великой Отечественной войны, заложившей духовно-нравственные и психологические основы будущей Великой Победы.